

ХЛѢБЪ и ВОЛЯ

Органъ Федерациі Анархистовъ-Коммунистовъ г. Харькова.

№ 12.

17-го (30) ноября 1917 г.

Цѣна 20 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Пляска власти—Козловъ. Еще о синдикализмѣ—Б. Рыжикъ. Анархисты-трудовики—Неонигилистъ Андрей. Идеальная школа (продолженіе)—Федя Калашниковъ. Я—только человекъ—Мимондуцій. Характеристики. Намъ пишутъ.

Адресъ редакціи: Садово-Куликовская, 25.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 10 до 12 и отъ 5 до 8 ч. в.

Редакція проситъ посылать денежные переводы, корреспонденцію и заказы по адресу: Харьковъ, Садово-Куликовская, 25. Федерациія Анархистовъ.

Пляска власти.

Съ дикимъ хохотомъ и крикомъ, полными ужаса жестами и тѣлодвиженіями, подъ вой всей собравшейся толпы, справляли свою побѣду наши сородичи,—дикари—язычники. Горѣли красные факелы въ ихъ бѣшенномъ кругу.

Ходилъ по рукамъ каменный примитивный ковшъ съ теплой кровью побѣжденныхъ враговъ. Запахъ „вражескаго“ мяса медленно расплывался подъ сѣнью высокаго дѣвственнаго лѣса.

Жестокая борьба за существованіе, порождала „законъ“ истребленія сосѣдей.

Дикіе были нравы у язычниковъ. Жестокая была у нихъ мораль. Но одни лишь хорошія качества были у дикарей.

Это отрицаніе частной собственности.

Слишкомъ медленно развилась „культура“.

Дикой стала пляска и замѣнилась балами.

Красный свѣтъ трескающейся головни замѣнился желтымъ, мерцающимъ свѣтомъ лампы, восковыхъ и электрическихъ свѣчей.

Празднества изъ лѣсной поляны перешли внутрь огромныхъ зданій, на улицы „культурныхъ“ городовъ. Царство чернокожихъ смѣнилось царствомъ бѣлыхъ.

Безобразный, страшный чортъ дикарей, въ культурѣ бѣлыхъ людей отшлифовался и вышелъ на Западъ бѣлолицымъ и бритымъ, точно джентльменъ,

посѣтившій первоклассную парикмахерскую, и онъ же на Востокѣ получилъ образъ бѣлолицаго, бородатаго человека, какъ будто только что вышедшаго изъ тюрьмы, гдѣ отросла его борода, и тѣнь одиночной камеры сдѣлала его лицо блѣднымъ.

Это Богъ современнаго человека.

Не признавалъ древній человекъ и власти.

Желавшій быть вождемъ, долженъ былъ пережить всѣ мученія огнемъ, мечомъ, водою, оставаясь безъ пищи, безъ одежды иодъ открытымъ небомъ, чтобы своей выносливостью и мужествомъ заслужить довѣріе своихъ соплеменниковъ.

Приходили и уходили со сцены жизни цѣлыя поколѣнія.

Дикие и грубые были взаимоотношенія народовъ.

Нарушеніе интересовъ одного какого-либо народа вызывало войну.

Медленно конструировался институтъ власти.

Отъ вождей и до начальниковъ, отъ жрецовъ и до поповъ, отъ князьковъ и до царей и императоровъ.

Безпощадна была борьба за власть. Жизнь превратилась въ сплошную погоню за властью. Кто за ней гнался, тотъ не останавливался ни предъ какими мѣрами и средствами, чтобы получить ее.

Обладаніе властью сулило всѣ блага.

Въ древнія вѣка вождемъ избирался человекъ, прошедшій всѣ виды испытанія.

Въ средніе вѣка, господствующіе въ странѣ классы, избирали для народа царя глупаго, чтобы послѣдній не мѣшалъ ихъ произволу. Въ наше время „соціалистами“ предлагается президентъ, обязанности котораго будутъ заключаться въ умѣломъ скрываніи привилегій однихъ и въ лицемѣрномъ доброжелательствѣ къ несчастію другихъ.

Народъ до тѣхъ поръ не вздохнетъ свободно, пока мѣсть не останется и тѣни отъ власти.

Богаты уроками революціи.

Возстановленіе и торжество власти на Западѣ послѣ прошедшихъ тамъ революцій, прибило духъ возстанія у народа.

Съ открытіемъ Америки, капиталистической строй коммерческой Европы, широкой волной влился въ новую страну.

Грубой безчувственной лапой онъ схватилъ людей населяющихъ ее. Милитаризировалъ все населеніе. Въ періодъ войнъ полностью рекрутировалъ туземное населеніе для цѣлей империализма.

Разнообразныя мѣры были принимаемы противъ мирового зла.

На Востокѣ появился Будда, Конфуцій, пророки, апостолы, Иисусъ, Магометъ. Была поднята глубокая вѣра въ нравственность человѣка.

Написаны были самыя трогательныя обращенія и самыя возвышенно-нравственныя обращенія къ людямъ. Міръ человѣческой прорѣзывался призывомъ къ любви, равенству и братству.

Но главнаго не дѣлали. Упустили изъ вниманія вліяніе условій на жизнь человѣка.

Грубая матеріальная проза жизни, подло смѣялась надъ идеальнымъ міровозрѣніемъ человѣка.

Человѣкъ, ставшій у власти, дерзко подчинялъ себѣ толпу, нуждающуюся въ самомъ необходимомъ.

Думали дождаться лучшаго будущаго, долго-терпѣніемъ и непротивленіемъ злу.

Съ распадомъ же религіи, упалъ этотъ авторитетъ.

На сцену жизни вышли новые ея творцы.

Провозглашена эра борьбы дѣйствіемъ.

Тысячи лѣтъ бездѣльной и напрасной надежды на религію и государство не дали и капли хорошихъ результатовъ, но наоборотъ, ввергло человѣчество въ бездну страшныхъ, невыносимыхъ страданій.

Вопли и плачь жертвы социальнаго условія жизни день и ночь носились по поверхности земли и въ ея ибдрахъ.

Вдругъ изъ густого мрака жизни появились свѣтящіяся точки и стали приближаться къ человѣчеству, все расширяясь и расширяясь и дѣлаясь все яснѣй и яснѣй въ своихъ очертаніяхъ.

Въ самую середину государственнаго произвола брошено смѣлое слово, указавшее на причины мирового зла, и ставшаго отрицать самыя закоснѣлыя предразсудки человѣческаго общества.

Но не такъ страшны открытые враги, какъ страшны мнимые друзья.

„Демократія“ во всемъ ея цѣломъ, вставшая изъ *Европейскихъ* гробовъ предыдущихъ революцій, старается изобразить себя въ революціи 1917 г., въ роли „революціоннаго“ творца.

Мы ей должны сказать: войди въ свои гробы, въ которыя тебя положила Французская Коммуна!

Но великіе мошенничества защитниковъ Государства.

Мы были свидѣтелями, какъ „демократія“ съ первыхъ дней революціи 1917 г. работала въ полномъ союзѣ съ народными врагами.

Она всюду являлась усерднымъ агитаторомъ за коалицію съ буржуазіей и капиталистами.

Всѣ социалистическія партіи, начиная отъ соц.-дем. меньшевиковъ, и кончая „анархо“-синдикалистами, являются въ революціи не двигателемъ ея, но скорѣе тормозящими рычагами.

Революція не ярмарка, гдѣ торгуются, но мировой взмахъ, который превращаетъ въ груды развалинъ всю государственную систему.

И нашимъ мнимымъ друзьямъ „анархо“, не слѣдуетъ забывать, что какъ не совершенны были бы ихъ синдикаты, и какъ не „близки“ были бы они къ социальной революціи, цѣнности ихъ всегда будутъ уменьшаться ровно настолько, насколько уйдетъ впередъ организациа государства, при условіи той свободы, каковая ему предоставляется въ области *классовой борьбы*.

Большевизму отъ демократіи мы также должны сказать, что между прочимъ и говорили, что разъ мы причинами современнаго мирового зла считаемъ государственный строй, то только отрицаніе его можетъ измѣнить условія жизни народа.

Если даже власть окажется и въ „рукахъ“ Совѣтовъ, то и это положеніе нисколько не измѣнитъ сути дѣла, если Совѣты станутъ у управленія стараго государственнаго аппарата.

Кто бы не сталъ у власти, будь то хотя бы и Совѣты, но если они оставятъ не разрушенными частную собственность, законы, религію, и будутъ властвовать надъ волей народа, то они не измѣнятъ его нравственнаго положенія.

Всѣ эти восемь мѣсяцевъ революціи происходилъ головкружительный танецъ власти.

Кадеты, социаль-демократы, социалисты-революціонеры, всѣ они подъ игру *государственнаго* органа, безумно плясали въ честь власти.

Но отъ того, за кѣмъ останется эта власть, народу лучше не будетъ.

Учредительное Собраніе, можетъ быть похоже на дѣлежку на палочкѣ: чей кулакъ схватываетъ верхъ этой палочки, тотъ и владѣеть оспариваемымъ предметомъ.

Въ самой *формѣ* Учредительнаго Собранія, лежитъ правило, что *договорившійся* долженъ исполнять свои договоры и обѣщанія, т.-е. если Учредительное Собраніе, какъ форма рѣшенія вопроса, и вынесетъ рѣшеніе, противное всей воли народа, то народъ не долженъ опротестовывать это рѣшеніе, такъ какъ на рѣшеніе Учредительнаго Собра-

нія полагался и, поэтому, долженъ будетъ съ его рѣшеніемъ согласиться.

Въ противномъ случаѣ, всѣ протесты, на основаніи договора, „законно“ будутъ караемы. И такимъ образомъ народъ окажется въ положеніи тѣхъ людей, которые согласившись мѣряться по палочкѣ, и не получивъ желаемого, нарушаютъ договоръ, требуя новаго мѣряннн.

Давно пора народу сказать: безвластіе, безначаліе, есть естественный порядокъ, и что религія является плодомъ духовнаго невѣжества, а атеизмъ, результатомъ познаній.

Козловъ.

Еще о синдикализмѣ.

Въ своей предыдущей статьѣ въ № 11 „Хлѣбъ и Воля“ я говорилъ, что передъ каждымъ анархистомъ пошедшимъ по пути синдикализма долженъ встать вопросъ: кто онъ? Анархистъ или синдикалистъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ звучитъ для меня съ несомнѣнной ясностью и рѣзкостью въ статьѣ т. Гр. Лапотя въ № 10 „Голосъ Труда“.

„Пора приняться за осуществленіе своихъ лозунговъ“. Несуразностью, недоразумѣніемъ какимъ то кажется появленіе этой статьи не столбцахъ газеты именуемой себя анархистской и революціонной. Вѣдь издавна извѣстно, что анархизмъ и революція тѣсно спаяны, что нѣтъ пути къ анархизму иного, какъ черезъ революцію, что постепенщина и коренные перевороты несовмѣстимы, взаимно другъ другу противорѣчатъ.

А между тѣмъ мнящій себя анархистомъ т. Лапотъ ставитъ предъ предстоящей конференціей фабрично-заводскихъ комитетовъ задачи именно постепенческой тактики, а его понуканія и требованія осуществленія задачъ рабочаго класса „въ кратчайшій срокъ“ подобны незудѣвшему, пустозвонному, большевистскому „немедленно“.

Ближайшей тактикой, ближайшимъ дѣломъ назв. конфер. т. Лапотъ мыслитъ созывъ всероссійскаго крестьяно-рабочаго съѣзда: ближайшимъ дѣломъ этого второго, будущаго съѣзда онъ полагаетъ новый съѣздъ, уже всемірный рабочій и уже дѣломъ этого, неминуемо отдаленнаго третьяго съѣзда предполагаются... контрольные комитеты... и... война войнѣ.

Опредѣленно чувствуется тяготеніе къ централизаци. О братаньи на фронтѣ ни слова.

Революціонные пути начертанные анархистской конценціей, проведеніе мира и социализація капиталовъ и имуществъ снизу, непосредственнымъ, прямымъ, массовымъ дѣйствіемъ на мѣстахъ не только не упоминаются, не поддерживаются, но положительно отвергаются статьей псевдо-анархиста изъ синдикалистскаго лагеря.

Вѣдь должно же быть ясно, мыслящему анархически человѣку, что возлаганіе надеждъ на съѣзды пролетарскіе, а потомъ и крестьяно-рабочіе, російскіе, а потомъ и всемірные не только дискредитируетъ идею непосредственнаго дѣйствія но и обязываетъ къ отказу отъ такового впредъ до выясненія коллективныхъ мнѣній организованнаго труда.

Выжидательство, и отрицаніе прямыхъ дѣйствій, иначе означаетъ смерть революціонизму, инертность массъ и укрѣпленіе за этотъ счетъ буржуазіи и реакціи.

Центростремительные синдикалисты, въ послѣдней натугѣ казаться хоть самимъ себѣ анархистами, пытаются повѣрить и понадѣяться на то, что призваніемъ этихъ рабочихъ съѣздовъ будетъ санкція массовыхъ дѣйствій на мѣстахъ.

Пути и средства предлагаемые синдикалистами настолько очевидно сходятся съ давно отвергнутыми нами рецептами политиканствующихъ социалистовъ и благотворительныхъ тредъ-юніонистовъ, что мнѣ ничего не остается, какъ лишній разъ повторить ими очевидно забытыя истины о томъ, что, какъ парламенты и социалистическія министерства, такъ и рабочіе съѣзды не окажутся способными осуществить Соціальную Революцію.

Стихійное дѣло революціонныхъ низовъ, выражающееся въ братаньи на фронтѣ съ одной стороны и въ хаотическихъ захватахъ орудій производства и капиталовъ съ другой, вотъ единственный путь, единственное положеніе, изъ котораго могутъ получиться желанные результаты. Хаосъ, которымъ пугаютъ, буржуазная пресса и буржуазные идеологи бѣднаго обывателя, страшень лишь тѣмъ, кому есть что въ этомъ хаосѣ потерять. Безправному пролетарію и безличному мѣщанину терять нечего, а мы ставъ на точку зрѣнія непримиримаго анархизма утвердили, что глубокая естественность анархизма даетъ залогъ въ томъ, что лишь одно направленіе можетъ принять широкій, неограниченный, безудержный размахъ массовыхъ инстинктовъ. Непосредственные инстинкты, забытые и обузданные многовѣковымъ строемъ смогутъ пышно расцвѣсти единственно и только изъ пепла сожженныхъ всѣхъ безъ исключенія, старыхъ цѣнностей.

Б. Рыжнн.

Анархисты трудовики.

Настала пора анархизму, какъ непримиримому съ существующимъ порядкомъ ученію, окончательно вылиться въ рѣзко очерченную форму и навсегда покончить съ недомолвками и разсѣять туманности.

Если анархія не политика и не политиканство то въ вопросѣ о неприемлемости нынѣшняго капи-

талистического строя, не можетъ быть двухъ мнѣній. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ. Кто работаетъ на буржуазію созиданіемъ „прибавочной стоимости“, тотъ не съ нами, и до какого абсурда можно дойти думая иначе.

Какъ можно толковать о разрушеніи современнаго общества вкладывая девять десятыхъ своего производительнаго труда въ фундаментъ его и лишь ничтожную долю потребляя на себя!

О какой социальной враждѣ можетъ идти рѣчь, если самъ же откармливаешь буржуазію и другихъ захребетниковъ. Если молчать объ этомъ, то какъ можно смѣть указывать на кропоткинцевъ, которые въ концѣ концовъ болѣе логичны съ этической стороны, именно съ той, которая заставляетъ многихъ анархистовъ работать и осуществлять евангельскій завѣтъ: не трудясь—не ѣшь!

Признавъ возможнымъ производительно-производственный трудъ, неизбежно допустишь защиту созданнаго, примешь войну оборонительную и наступательную.

Есть единственный доводъ, который выдвигаютъ въ свою защиту трудовики-анархисты, это то, что отбросивъ трудъ надо признать и допустить экспроприацию. Но такой отвѣтъ есть уклоненіе отъ отвѣта, на поставленный вопросъ и не достоинъ правдиваго человѣка. Если трудъ въ настоящемъ мірѣ позоренъ для анархиста, то если бы надо было провести въ жизнь чистоту указаннаго принципа разрушивъ и перевернувъ весь свѣтъ и себя—нужно это сдѣлать.

Смотрѣть истинѣ въ глаза—привилегія анархистовъ.

Имѣется еще не существенный доводъ въ защиту оппортунизма трудящихся анархистовъ, которыхъ вѣрнѣе слѣдовало бы назвать онархистами (отъ греческаго—осель“), это указаніе на нашу непослѣдовательность *всегда*, ввиду того что анархизмъ—дѣло будущаго, а теперь мы анархистами быть не можемъ: вѣдь покупая и продавая, мы поддерживаемъ буржуазію и что единственно вѣрный путь остаться послѣдовательнымъ, надо покончить съ собой самоубійствомъ.

Къ самоубійству прибѣгаютъ очень и очень немногіе анархисты, но если бы ради чистоты своей вѣры, своихъ убѣжденій, было необходимо примѣнить это радикальное средство, нашлись бы и на это великіе фанатики разрушенія.

Большинство останавливается на утвержденіи, что потребляя и покупая, анархистомъ быть нельзя. Мнѣ думается, что тутъ лежитъ недоразумѣніе, вытекающее изъ социалистической, буржуазной политической экономіи. Когда я покупаю что нибудь, то конечно поддерживаю ненавидимый мною міръ, но вѣдь купля и продажа характеризуетъ теперь такое об-

щество, гдѣ имѣется опредѣленный видъ производства, базисомъ котораго служитъ частная власть на вещи и трудъ.

Терминъ „купля“ приемлемъ для того, кто „производитъ“.

Если я не произвожу, то тѣмъ самымъ и не покупаю, а только экспроприрую и разрушаю, дезорганизирую—и въ этомъ истинный смыслъ анархіи. Когда передо мною, единичнымъ лицомъ передъ организованными насильниками, лежатъ ряды продуктовъ—хлѣбъ, платье, золото (деньги) и все то, что мнѣ нравится—нужно, и при условіи отказа отъ производства ихъ, я беру на выборъ и это будетъ не купля, т. к. я не продавалъ себя, а чистое анархическое разрушеніе безъ социаль-христианскихъ прикрасъ и придатковъ.

Признавъ противоестественность труда (труда создающаго и творящаго прибавочную стоимость) на капиталиста, то очевидно, конечно, надо прийти неизбежно къ двумъ вѣрнымъ положеніямъ: самоубійству или экспроприации, и не той экспроприации, о которой мечтаютъ въ будущемъ трудовики-анархисты, а немедленной, теперь же, безъ всякихъ завтра и нельзя!

Въ данномъ случаѣ самоубійство было бы выгоднымъ для буржуазіи и властителямъ, но въ конечномъ итогѣ, оно допустимо и вполне анархистично и логично какъ апофеозъ разрушителя анархиста потерявшаго физическую силу для борьбы. Разрушеніе міра самоубійствомъ, есть послѣдній аккордъ человѣческой красивой жизни, послѣдній бунтъ противъ порядка и закона. Но ввести такую смерть только потому, чтобы не совершать другого выхода—эксковъ, не выдерживаетъ критики. Мы, нынѣ живущіе анархисты, обречены погибнуть въ бою, потому, что анархія какъ идеаль наступитъ завтра, а не сегодня, а трудясь на капиталиста мы занимаемся филантропией, перестаемъ быть эгоистами. Мы рабы, а не анархисты: „всего меньше эгоизма у рабовъ“. Если бы всѣ мы почувствовали всю преступность нашего альтруизма, если бы мы всѣ стали сознательными эгоистами, то—цѣпи пали бы и міръ владыкъ и рабовъ рухнулъ бы.

Мы своимъ эгоизмомъ не допустили бы существованіе пожирателей прибавочной стоимости.

Міръ принадлежитъ намъ и всякій осмѣливающийся имѣть два пирога, когда у меня нѣтъ и одного—мой врагъ и мой позоръ: и если я позволяю ему свободно проглотить мою долю, я не анархистъ, не эгоистъ, а болтунъ на христианско-альтруистическихъ дрожжахъ.

Да будутъ эгоистами всѣ и міръ зацвѣтетъ отъ счастья; да сумѣемъ быть эгоистами, и радость появится на землѣ.

Отрицаніе труда не есть паразитизмъ—какъ говорятъ нѣкоторые, т. к. бойкотъ работы есть только забастовка и саботажъ производства, которыя я объявляю со дня своего анархистскаго сознанія.

И больше, трудъ въ нынѣшнемъ обществѣ является потворствованіемъ существованію паразитовъ и для анархиста также не умѣстенъ какъ ношеніе государственнаго мундира.

Трудиться теперь, это значитъ питать станъ намъ враждебный на дѣлѣ, и ляскать зубами на словахъ въ пространство.

Оппортунизму трудовиковъ—анархистовъ долженъ быть положенъ конецъ; ихъ трудъ—кинжалъ въ спину анархизма, нѣтъ оправданій для нихъ, когда даже въ тяжелыхъ условіяхъ, въ тяжелыхъ умахъ—въ тюрьмѣ, въ уголовныхъ преступникахъ есть извѣстная грань—еже не преjdeши, когда, перешагнувшаго ее выбрасываютъ изъ своей среды, именно когда кто-либо изъ нихъ строить эшафотъ, заковываетъ въ кандалы товарища, становится заплечныхъ дѣлъ мастеромъ или палачомъ. Неужели мы стерли рубиконъ отдѣляющій анархизмъ отъ анархизма и потеряли компасъ, указывающій намъ вѣрное направленіе въ грозу и бурю?

Пора одуматься и для себя и для того чтобы не вводить массы въ заблужденіе, пора выявить міру великую идею анархизма безъ увертокъ и социалистическихъ сѣтокъ.

Неонигилистъ Андрей.

Идеальная школа.

(Продолженіе см. № 11).

ТЕЗИСЫ.

I. Наука—для всѣхъ. Она уже интернаціональна, теперь должна стать интерсоціальной—безусловно общечеловѣческой, рѣшительно для всѣхъ слоевъ человеческого общества.

II. По отношенію къ Наукѣ—всѣ должны быть уравнены.

а) Получая одинаковое воспитаніе и равносильныя знанія, всякъ сообразно своимъ желаніямъ и наклонностямъ, сможетъ впослѣдствіи занять подобающее мѣсто въ жизни. Такимъ образомъ устранится неравная борьба между сильнымъ, на сторонѣ котораго и знанія и богатства, и слабымъ, въ распоряженіи котораго, въ большинствѣ случаевъ, только голыя руки, заскорузлыя въ трудѣ, да невѣжество, умственное убожество, и злоба въ душѣ противъ вопіющей несправедливости такого неравновѣсія силъ, злоба, которая очень часто, вполне логично и естественно придаетъ неравной борьбѣ или видъ травли беззащитнаго звѣря, или разгрома страшнаго стихійнаго самосуда.

б) Собственно-безусловнаго уравненія интеллектуальныхъ силъ достигъ нельзя, да и не нужно, т. к. на неравновѣсіи силъ возникаетъ движеніе, а послѣднее есть божественное начало творчества. Но въ данномъ случаѣ побѣдителемъ будетъ интеллектъ, а не грубая сила. Всесторонне развитый интеллектъ не будетъ представлять никакой опасности въ смыслѣ поработенія или властвованія надъ менѣ развитымъ интеллектомъ, т. к. высоко и всесторонне развитый Идеальной Школой человекъ не будетъ носить въ себѣ опасныхъ губительныхъ задатковъ, которые закладываются въ его душу теперь: и Школой, и Церковью, и Семей.

в) Если революція и не пойдетъ такъ далеко, чтобы устранить экономическое неравенство, то зато дѣти, воспитываясь въ одинаковыхъ условіяхъ и получая по возможности равныя интеллектуальныя силы, уже сами дѣти ставъ взрослыми, будутъ постепенно создавать жизнь Идеальную. И, во всякомъ случаѣ, будучи надѣлены равными интеллектуальными силами, станутъ вести другую борьбу за жизнь, болѣе достойную людей.

III. За все время воспитанія должно неукоснительно пробуждать въ человекѣ всѣ, заложенныя въ него историческимъ развитіемъ людскаго міра, силы, положительныя силы, именуемыя талантами.

IV. Самый широкій просторъ долженъ быть предоставленъ человекѣ для опредѣленія и выработки индивидуальныхъ наклонностей.

V. Дѣти неимущихъ имѣютъ право пользоваться полнымъ содержаніемъ за счетъ имущихъ слоевъ общества. Желающіе изъ имущихъ классовъ могутъ тоже помѣщать своихъ дѣтей безъ особой платы въ интернатъ, обязательный при каждой Школѣ.

VI. Выборные отъ общества, дѣти котораго обучаются въ данной Школѣ, сами хозяйничаютъ и вѣдаютъ интернатомъ.

Деньги на такіе продукты, которыхъ нѣтъ въ данной мѣстности, интернатъ получаетъ изъ особаго Координата (о которомъ—дальше), а прочіе продукты, которые находятся въ данной мѣстности, доставляются пропорціонально обезпеченному состоянію каждаго изъ обывателей той территоріи, къ которой относится данная Школа. При чемъ, не имѣетъ значенія для Школы то обстоятельство: есть-ли укого дѣти, обучающіяся въ Школѣ, или у кого дѣтей совсѣмъ нѣтъ. Положеніе относительно доставки продуктовъ и средствъ для жизни Интерната—должно быть категорическое:

„Всякій вноситъ въ Школу, въ районѣ который живетъ, пропорціонально своему состоянію сумму продуктовъ“.

Если случится, что районъ, имѣющій Школу бѣденъ, то особый Координатъ долженъ пополнить всѣ недостающія средства.

VII. Школы устраиваются сообразно густотѣ населенія.

VIII. Если какая-нибудь группа людей находитъ нужнымъ открыть у себя для своихъ дѣтей школу, то группа эта, если въ силахъ, ставитъ ее своими средствами, при чемъ можетъ потомъ потребовать у Координата возвращенія издержекъ и присылки научныхъ средствъ. Если же средствъ у группы нѣтъ, то такая группа имѣетъ право требовать устройства школы при немедленномъ участіи средствъ Координата, и имѣетъ право устроить школу по такому плану, какой былъ бы выгоднѣе и удобнѣе той группѣ, которая воззвала на помощь къ школь.

IX. Просвѣтительный институтъ Новой Школы раздѣляется на 3 типа.

Во всѣхъ трехъ типахъ экзамены, вызовы къ отвѣту, система всяческихъ обязательствъ должны быть устранены совершенно.

Нечего и говорить, что воспитаніе обоихъ половъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, должно быть совмѣстнымъ.

I-й ТИПЪ ИДЕАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.

X. Начало I-му типу должно быть въ такомъ учрежденіи, которое носитъ названіе Дѣтскаго Сада.

Воспитаніе начинается со времени достаточнаго укрѣпленія дѣтскаго организма.

Въ дѣтскомъ саду дѣти рѣзвятся и играя постепенно, и незамѣтно для нихъ самихъ, усваиваютъ, такъ сказать, всѣ азбуки, т.-е. всѣ элементарныя понятія. Отъ азбуки, вплоть до такого времени пока юноша изберетъ себѣ свой жизненный путь.

XI. Обученіе должно быть исключительно практическое, но разъ навсегда принятому положенію: „Сначала практика, а теорія—какъ вѣнецъ обобщающій“. При чемъ формулу обобщенія долженъ составить самъ воспитанникъ.

И, то самое главное въ Идеальной школѣ, это то, что наука должна вестись *въ видѣ простого, интереснаго развлеченія.*

Является, конечно, вопросъ: какъ практически это осуществить.

А вотъ какъ:

Приходится повторить, что старая система воспитанія основанная на насиліи, должна быть забыта. Насиліе, *въ воспитаніи дѣтей особенно*, приводило какъ разъ къ обратнымъ результатамъ: очень часто, сплошь да рядомъ, наблюдалось такое явленіе: ребенокъ, предрасположенный къ рабству, учится лучше чѣмъ ребенокъ своевольный, нетерпящій принужденія. Чѣмъ больше такой ре-

бенокъ истерпитъ подневольное положеніе, тѣмъ хуже себя чувствуетъ, и тѣмъ хуже учится. Единственное сильное свойство дѣтей—играться. Это—отавизмъ. На это реагировать почти невозможно. Для того, чтобы воспротиводѣйствовать желанію ребенка играть, нужно употребить иной разъ очень сильное принужденіе. Если даже результатомъ принужденія будетъ желательный исходъ, то этотъ успѣхъ только поверхностный, видимость одна. Онъ лопається какъ мыльный пузырь: достаточно только уменьшить степень силы принужденія, какъ подавленная воля, въ силу естественнаго протеста подымается озлобленной ненавидящаго какъ насильника такъ и то, во имя чего надъ ней было унижено насиліе. Всякое насиліе надъ кѣмъ бы то ни было—есть результатъ невѣжества, грубости нравовъ, умственного убожества. По отношенію къ ребенку оно тѣмъ пагубнѣе, что будучи къ нему приложено, оно если и имѣетъ успѣхъ, то повторяю мнимый и отрицательный: ребенокъ, покорившійся насилію, если не бунтуетъ и не противодѣйствуетъ, то тѣмъ хуже, постепенно становится *рабомъ, тѣмъ именно факторомъ, на которомъ зиждется всякое зло.* А рабъ рѣдко способенъ къ самостоятельному творчеству, ибо подъ систематическимъ принужденіемъ, постепенно становится умственнымъ кастратомъ.

Успѣхъ и ростъ милитаризма объясняется именно тѣмъ, что тамъ съ одной стороны данъ просторъ низменнымъ наклонностямъ человѣческой природы, затѣмъ—военщинѣ приданъ характеръ какого-то развлеченія, игры, игры въ опасность и интересныя приключенія, а съ другой стороны—рабство убивающее всякую индивидуальную особенность человѣка, рабство до такой степени, что человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ. И вотъ, скомбинированные въ извѣстныхъ пропорціональныхъ отношеніяхъ эти свойства—приносятъ, какъ видите, пышные всходы.

Но въ человѣкѣ, кромѣ черта сидитъ и Богъ, и въ зависимости отъ того: кто именно изъ этихъ двухъ началъ человѣческой природы былъ возвращаемъ въ человѣкѣ, въ зависимости отъ этого—и является: *человѣкъ—чертъ, или человѣкъ—богъ.* Какъ поразительно точно и вѣрно было подмечено великимъ апостоломъ истины,—что Царство божіе внутри насъ. Но, нужно добавить, что въ такой же степени и адъ внутри насъ. И вотъ отъ жизненныхъ условій зависитъ что именно утвердить въ душѣ человѣка: адъ или царство божіе.

Школа, единая истинная апостольская школа должна мощно и авторитетно заявить свои желанія и права на утвержденіе Царства божія внутри насъ.

XIII. Въ основу всѣхъ наукъ дѣтскаго сада должна быть положена географія.

Въ дѣтскомъ возрастѣ, когда ребенокъ такъ любить возится въ землѣ съ кирочкой и лопаткой, тогда легче всего пройти ребенку практически географію.

Для этого при каждомъ Дѣтскомъ Садикѣ должно быть опытное полѣ, въ нѣкоторомъ родѣ. Дѣти, будучи случайно заинтересованы воспитателями, будутъ устраивать „географическія картинкі“ на землѣ, т. е. для всякой мѣстности всякой широты избирается и устраивается типичная картина. И вотъ, подъ незамѣтнымъ вліяніемъ воспитателей, дѣти строятъ сами типичныя уголки земного шара. Вотъ тутъ то постепенно и приходится практически ариѳметика и геометрія, т. к. дѣти практически будутъ оперировать съ конкретными данными. Такимъ образомъ дѣти, заселяя устроенныя ими уголки, изучаютъ и фауну и флору. Для этого въ каждой школѣ должны быть широкія средства для приобрѣтенія чучель животныхъ и растений. Наравнѣ съ этимъ можно проходить сразу и основанія этнографіи. Потомъ, устраивая важнѣйшіе географическіе пункты, можно будетъ расположить дѣтей къ разыгрыванію историческихъ фактовъ, изъ древней исторіи. Для этого должно устраивать дѣтскіе театры. Но это только прилюдія къ истинному образованію, къ истинному воспитанію дѣтей. Это должно быть пока приманкой для дѣтей, чтобы внутренняя имъ ненависть къ наукѣ уступила мѣсто всѣ болѣе и болѣе неудовлетворяющемуся пытливому уму въ поискахъ болѣе глубокихъ познаній.

И вотъ, въ такой то часъ, когда ребенокъ восчувствуетъ сильную потребность въ приобрѣтеніи большой суммы знаній, тогда то можно будетъ познакомить ребенка съ естественнымъ ходомъ міросозданія. Нужно, чтобы ребенокъ постигъ законы творчества, чтобы онъ увидѣлъ, восчувствовалъ все величіе творчества природы. Нужно, чтобы ребенокъ постигъ всю титаническую силу творчески потугъ природы въ устройствѣ, хотя бы простѣйшихъ тѣлъ, а потомъ, постепенно-сложныхъ, которыя для всякаго—кажутся такъ обыденными, а въ сущности—непостижимо гадательны, разгадать которыя призванъ божественный интеллектъ человѣка.

Тогда то, на мѣсто всяческихъ анекдотичныхъ религій подростающій человѣкъ создастъ единую истинную религію—религію проникновенія въ божественное творчество природы.

Нужно, чтобы ребенокъ увидѣлъ какую глубокую, непостижимую исторію имѣетъ даже пылинка.

Вотъ, тогда то и разовьется въ ребенкѣ аналитическій и синтетическій умъ, которому будутъ предоставлены широчайшіе горизонты.

Когда же ребенокъ дойдетъ до амебы, то его уваженію передъ творческой природой не будетъ границъ. И тогда, дѣйствительно, всякую жизнь въ природѣ дѣти, а потомъ люди, будутъ сознательно цѣнить какъ цѣнность неощнимую, какъ чудо изъ чудесъ.

Но такая религія—будетъ религіей разумной, естественной, т. к. она будетъ—религія душевно зрячихъ существъ, существъ разумныхъ.

Развивая передъ взоромъ ребенка послѣдовательные этапы творчества жизненныхъ формъ, этимъ самымъ заставимъ его видѣть восходящій творческой процессъ, къ совершенству—къ чело-вѣку.

Но очень интересно будетъ тогда, когда дѣти дойдутъ до получеловѣка, полуживотнаго. До такого времени, когда животное постепенно становится чело-вѣкомъ. Тамъ ужъ дѣти будутъ душевно переживать вмѣстѣ съ давно умершими предками людей, тѣ стадіи развитія, которыя пройдены были простѣйшими людьми. Пусть ребенокъ увидитъ, съ какимъ трудомъ доставались чело-вѣку такія ничтожества какъ ведро, обыкновенное ведро для обыкновенной воды, и тому подобные предметы обихода, на которые никто не обращаетъ вниманія, и поэтому плохо судить о цѣляхъ и смыслѣ жизни, о развитіи чело-вѣческаго рода, о его задачахъ и заслугахъ нашихъ предковъ—людей, исполнившихъ до насъ черную работу на пути совершенствованія. Полное представленіе о доисторическихъ временахъ можно будетъ дать при помощи кинематографа, или, гдѣ это будетъ достижимо, при помощи театра. При чемъ, просвѣщенные педагоги могутъ сами разыгрывать роли доисторическихъ людей, но, конечно, не исключаетъ возможности участія артистическихъ силъ.

Изучая такимъ образомъ жизнь будущихъ людей, можно попутно изучать антропологию, зарожденіе религій, основы первобытныхъ религій, зарожденіе искусствъ.

Устроивъ и обставивъ до возможной приближенности географическіе уголки, можно, для болѣе успешнаго изученія исторіи и географіи подзадорить дѣтей къ прикладному изученію исторіи важнѣйшихъ народовъ. Для этого, напр., устраивается карта Египта, съ его особенностями, и на ней дѣти сами исполняютъ роли и событія. Тутъ какъ разъ попутно знакомятся со всѣмъ тѣмъ, что присуще было той народности, исторію которой изучаютъ: завоеваніе въ области искусства, положительныхъ наукъ, въ области техники и т. д.

Такъ можно изучить и Египетъ, и Ассирію и Вавилонію и Финикію и вообще всѣхъ народовъ исторіи древняго, а потомъ средняго періода.

Когда дѣло дойдетъ до изученія Новой Исторіи, тутъ дѣти тоже послѣдовательно будутъ знакомиться съ развитіемъ культуры народовъ, науки, техники и т. д. Вообще, съ развитіемъ всего того чѣмъ знаменательна была данная эпоха. При изученіи Новой Исторіи дѣти усовершенствуются въ знаніи языковъ, т.-е. играя, на примѣръ, „въ народы“, дѣтямъ придется говорить на языкѣ той націи, которую они представляютъ.

Здѣсь можно будетъ употребить въ видѣ шутивого наказанія какія нибудь мѣры отступленія отъ этого правила и за ошибки или неправильности языка. Но дѣти сами должны будутъ установить контрибуцію за незнанія. Дѣло воспитателя незамѣтно указать дѣтямъ на ошибку.

Такимъ, образомъ, попутно, въ силу сцѣпленія, можно постепенно углубиться въ изученіе многихъ наукъ, доставшихся людямъ по наслѣдству: можно будетъ изучать антропологию, геологию, этнологию, строительное искусство, геометрію, философію, архитектуру, живопись, скульптуру, физику, химію, литературу и музыку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Федя Калашниковъ.

Я—только человекъ.

Я—не эс—эр и не эс—де,
не октябрист и не ка—де:
во мнѣ не пышетъ духъ гражданскій,
смѣшонъ мнѣ пылъ республиканскій:
я—не горластый монархист,
не обскурантъ, не стрекулистъ
паразитаріи дворянской,
не чирей на спинѣ крестьянской;
мнѣ собственность—не почечуй:
я не прожорливый буржуй,
не скромникъ „мирный обновленецъ“,
я—человѣкъ... и, отщепенецъ
партийныхъ олуховъ и уз,
я сталъ собою, скинувъ грузъ
альтруистическихъ обуз...
Смотрю, смѣясь, какъ вѣкъ—младенецъ,
играя в куклы, по сортамъ
людей разбилъ и по мѣстамъ
ихъ уложилъ, умокрещенецъ,
въ ненужные ряды полѣнницъ.

Мимодущій.

Галлюцинація избирателя.

Будто бѣгаетъ онъ по большому полю за какими то цифрами... 15, 17, 19, 5, 7, 8 кричитъ онъ и не какъ не можетъ назвать правильный номеръ, и вдругъ надвигается на него страшное лохматое чудовище растопыривъ свои огромные лапы, чудовище начало ловить его.

„Вій пришелъ“ пронеслось въ воздухѣ.

„Учредительное Собраніе“! отвѣтило эхо.

...При паршивенькая душонка и малюсенькій мозгъ обывателя не выдержали и онъ взвизгнувъ предсмертнымъ голосомъ № 5678200 шлепнулся на земь и...

Въ день выборовъ въ мѣстности не осталось ни одного избирателя: одни нашли приютъ на днѣ рѣчки, другіе пропали безъ вѣсти...

...Глубоко запустивъ острые когти въ землю, сидѣло страшное чудовище... на стражѣ... жутко, хотало и выплевывало куски мутной мокроты, на которыхъ кровяными нитями вырисовывались слова „Законъ“.

Николай.

ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Перевыборы въ Харьковскій Совѣтъ Р. и С. Д.

Отъ мелкихъ мастер. металлистовъ.

Выставлено 4 списка:

- № 2 меньшевики-интернаціоналисты,
- № 3 большевики,
- № 4 анархисты,
- № 5 с.-р. максималисты.

Прошли:

- № 2 72 г.
- № 3 403 г.—Каминскій,
- № 4 128 г.—Карташевъ,
- № 5 122 г.—Поваричъ.

Все же, мы должны сказать, что Федерация А.-К. г. Харькова въ выборахъ участія не принимаетъ и кандидатовъ въ С. Р. и С. Д. не выставяла.

Намъ пишутъ:

Севастополь.

Образовался союзъ солдатъ, матросовъ и рабочихъ.

Мотивомъ къ созданію союза послужило:

Малочисленная кучка жадныхъ собственниковъ капитализма, поддерживаемая вооруженными правительствами, безжалостно эксплуатирующая многочисленный классъ солдатъ, рабочихъ и матросовъ, заставляетъ послѣднихъ сплотиться въ крѣпкій трудовой союзъ для борьбы съ угнетателями.

Союзъ считаетъ, что освобожденіе рабочихъ, солдатъ и матросовъ есть дѣло ихъ самихъ.

Редакторъ—Редакціонная группа.